

1(09)
С-773

На правах рукописи

СТАРОСТИН Владимир Петрович

**СОСТРАДАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ
ФЕНОМЕН**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Якутск – 2008

VPOC

12

09-16423

Работа выполнена на кафедре философии ГОУ ВПО «Якутский государственный университет имени М.К. Аммосова».

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор
Попов Борис Николаевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Разин Александр Владимирович,
ГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»;

кандидат философских наук, доцент
Иванов Григорий Андреевич,
ГОУ ВПО «Якутский государственный инженерно-технический институт».

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана».

Защита состоится « 29 » мая 2008 г. в 9 ч. на заседании диссертационного совета Д 212.306.01 при ГОУ ВПО «Якутский государственный университет имени М.К. Аммосова» по адресу: 677000, Республика Саха (Якутия), Якутск, ул. Белинского, д. 58.

С диссертацией можно ознакомиться в Республиканской межвузовской библиотеке Якутского государственного университета имени М.К.Аммосова.

Автореферат разослан «16» 09 2008 г.

 В.В. Винокуров

7109)
С-772

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Социальная философия – неотъемлемая часть всего философского знания и в ней, используя общие принципы и логические универсалии философии, происходит осмысление сути общества, которое должно рассматриваться в неразрывном единстве с индивидом, человеком, личностью. Само становление социально-философских категорий происходило одновременно с определением философии как мировоззренческой науки. И весь многовековой путь развития философии наравне с бесчисленными творческими и научными прозрениями был освещен и достижениями социально-философской мысли. Правда в ней порой отсутствует необходимая должная полнота и теоретическая целостность. Поэтому все общественно значимые явления, социальные феномены на каждом историческом этапе требуют своего осмысления. В этом содержится одно из отличий социально-философского знания – сложность реализации собственного концептуального построения.

Сострадание, как и ее противоположность – равнодушие, не только непростые нравственные явления, но и чрезвычайно сложные социальные сущности действительности и бытия человека, некие «симптомы» «действительных противоречий общественной реальности, составляя внутренний смысл движения истории и выступая как шкала и мерило достигнутого»¹. Наши попытки осмыслить ее в категориях этики приведут к нескольким трудноразрешимым вопросам. Например, является ли альтруизм общебиологическим феноменом, встречающимся даже у животных, или все же мы видим разные виды проявления инстинкта самосохранения? Как нам сегодня оценить, является ли актом сострадания, милосердия финансовый вклад людей, скопивших свое состояние явно несправедливым путем? Является ли наше общество сострадательным? На эти вопросы мы попытались найти ответ в своем исследовании. Но актуальность данного исследования, избранной темы не обосновывается только необходимостью всестороннего рассмотрения противоречивых процессов, протекающих в духовной жизни современного общества. Без глубокого осмысления феномена сострадания как важнейшего понятия и категории нравственной системы общества социальная философия теоретически будет неполной. Сострадание остается одним из сложнейших для восприятия, рассмотрения и изучения проблем и к нему обязана обращаться любая социальная теория и практика, которая претендует на завершенность. Без глубокого анализа места сострадания в мире мы не сможем составить реальную картину состояния российского общества начала XXI века.

Степень разработанности темы. Проблема сострадания, милосердия, которая рассматривается в данной диссертации, была поставлена в

¹ Дробинский О.Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002. – С. 252-253.

философии со всей остротой еще И. Кантом и А. Шопенгауэром, но ее истоки и зачатки мы можем найти как в древнеиндийской и древнекитайской, так и в античной философии.

Традиции сострадания, милосердия и благотворительности в истории общественной и духовной жизни нашей страны занимало и занимает особое место. В числе дореволюционных авторов, изучавших данное явление, следует назвать А.С. Хомякова, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, Н.А. Бердяева, Е.А. Преображенского, К.Д. Кавелина, П.Б. Струве и др.

Несмотря на то, что впоследствии произошел раскол отечественной этики на моральную идеологию строителей коммунизма в советской России и зарубежную русскую этико-философскую мысль, исследования проблем нравственного состояния общества в СССР не прекращались никогда. Огромный интерес вызывает философский анализ милосердия и сострадания как сложных социальных и нравственных явлений, который производили Л. Шестов, В.Н. Чернов, П.А. Кропоткин, А.В. Луначарский, Е.Н. Трубецкой, Э.Л. Радлов, Л.П. Карсавин, М.М. Бахтин, Н.О. Лосский, И.А. Ильин и др. Наиболее плодотворным для изучения процессов социальных отношений советского общества оказался период с середины шестидесятых до середины семидесятых годов, характеризующихся в целом приоритетом общетеоретических, формально-логических исследований. Именно в этот период разворачивается широкая дискуссия по проблемам предмета социальной философии и этики, их специфики и структуры, сущности и функций. Среди авторов этого времени назовем ведущих теоретиков морали Л.М. Архангельского, А.А. Гусейнова, В.Г. Иванова, О.Г. Дробницкого, А.И. Титаренко, Г.В. Бандзеладзе, В.Г. Ефимова, и др. также рассматривавших нравственные проблемы общества.

В девяностых годах XX века произошло общее ослабление идеологического диктата коммунистической партии в сфере философии, в том числе и в области изучения общественной нравственности. Это привело, «с одной стороны, к ее «эмансипации» от практической жизни и переходу к имманентной моральной рефлексии, а с другой – к «моралеведческому» практицизму, вызвавшему интенсивный рост прикладных видов этического знания: биоэтики, политической этики и этики ненасилия, хозяйственной этики и этики предпринимательства, этики права и этики науки и т. д.»². В библиотеке философской литературы появились интересные труды Р.Г. Апресяна, Л.Б. Волченко, Е.Л. Дубко, В.Н. Назарова, В.Н. Шердакова и др. Они расширили и углубили наше понимание исторических корней различных этических проблем.

Вместе с тем, проблема сострадания до сих пор не ставилась как всеобщая и, таким образом, не рассматривалась как имеющий непреходящую ценность социальный феномен. Сострадание не было и не

² История этических учений: Учебник / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. – С. 894

стало объектом пристального социально-философского анализа. Более того, с усилением глобализационных процессов проблемы страдания и сострадания, равнодушия и сочувствия начинают выпадать из поля зрения философского рассмотрения, что проявляется в желании представлять их только как узко-психологическую или конкретно-этическую проблематику.

Цель исследования и исследовательские задачи. Целью исследования является выявление и раскрытие особенностей сострадания как социального явления, что обрисовывают круг исследовательских задач. Наиболее важными считаем решение следующих задач:

- раскрыть социальное содержание и мировоззренческую сущность явления сострадания, его биологические и социальные корни, а также рассмотреть облекаемые в специфические социальные, историко-культурные формы проявления сочувствия и человеколюбия, равнодушия и бессердечия;
- определить реальный социальный статус и место сострадания как важнейшего регулятора общественных отношений;
- выявить в отечественной философской мысли различные примеры постановки и рассмотрения данной проблематики, как особого рода человеческого освоения окружающего мира;
- проанализировать динамику развития процессов сострадания и влияние различных факторов окружающего на зарождение сострадательности;
- проявить содержание процессов и способов институционализации сострадания на основе применения обществом здравого смысла, милосердия, сознательного самоограничения таких форм свобод, которые представляют социальную и биологическую опасность;
- рассмотреть явления элитарной и массовой культуры, средств массовой коммуникации, институций гражданского общества, которые с различных позиций оказывают наибольшее воздействие на общественное сознание с целью трансформации человеческих сообществ из равнодушных в сострадательные и, возможно, наоборот.

Методология и теоретические источники исследования. Методология данного исследования определялась дисциплинарной спецификой социальной философии, главная задача которой состоит в том, чтобы понять, что такое общество в действительности, сущности и существовании. Это проявляется в форме диалога и конкуренции натуралистической, социологической, конфессиональной, формационной, цивилизационной и иных теоретических концепций понимания общества, его свойств и исторических форм. Социально-философская мысль исторична и поэтому она как бы «пропечатывается» в событиях и фактах действительности, но все же они рассматриваются как явления, носящие во многом символический, метафорический и идеализированный характер.

Исследование сострадания как мировоззренческого, культурного универсалия потребовало применения комбинированного метода общефилософского, социально-философского, социально-исторического и социально-этического рассмотрения реальности. В методологии данного

исследования значительное место занимает диалектическая совокупность принципов общего и частного, философского и специального познания (действительность, историчность, целостность, системность, детерминированность, определенность и т. д.). Исходя из специфики исследования, потребовалось применение социальных, историко-философских, культурологических методов.

Научная новизна. Научная новизна результатов исследования состоит в совокупности теоретических выводов и положений, полученных при рассмотрении сострадания как актуализирующейся проблемы социально-философской рефлексии.

Проблема сострадания, как в общей философии, так и в социальной философии до сих пор не ставилась в концептуальном плане и в этом смысле данная работа является первой за последние годы попыткой всестороннего социально-философского анализа проявления сострадания в общественных отношениях и связях. Ранее в отечественной философии сострадание не рассматривалось как специфическое социальное явление. Концепция, требующая сострадательного измерения аспектов развития общества, является не просто новым взглядом на социальные проблемы современности – это действительность складывающихся отношений сегодняшнего дня.

Исследование в диссертации феномена сострадания на разных когнитивных уровнях приводит нас к выводам, отражающим его научную новизну:

- на общефилософском уровне осмысление сострадания по его родовой сущности выводит на более широкие и глубокие обобщения объема и содержания данного феномена как общественного универсалия;
- на социально-философском уровне при анализе отношения общества к феномену сострадания, данное явление раскрывается как всеобщее социально-культурное явление, прослеживаемое во всем всемирно-историческом развитии человеческого общества; например, именно сострадательное отношение потомков к своим предкам может стать основой истинного понимания исторических процессов;
- на конкретном уровне при исследовании какой-нибудь особенной и единичной формы сострадания, феномен проявляется наиболее ярко и рельефно как подлинное человеческое в человеческом. В перспективе исследуемый феномен будет осуществляться и в будущем, в механизмах сострадательного взаимодействия индивидуального и общественного, личного и государственного. В период становления России как правового государства станет более актуальной проблема институционализации сострадания в рамках гражданского общества.

Объектом исследования является феномен сострадания, его соотношение с другими видами милосердия и человеколюбия, с понятиями и принципами социальной справедливости и гражданского общества.

Предмет исследования составляет социально-философское осмысление процесса зарождения, становления и функционирования

сострадательности как особого вида социального бытия.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Материалы диссертации и содержащиеся в ней выводы могут стать основой исследований по рассмотрению состояния нравственности современного российского общества, этоса, истории и этики глобализирующего мира и будут отправной точкой для фундаментального анализа такого сложного социального феномена как сострадание.

В практической преподавательской и научно-исследовательской деятельности материалы и выводы диссертационной работы могут быть применены как основа самостоятельного спецкурса по обозначенной теме, а также входить в курсы по социальной философии, этике, истории философии. Особую важность выводы исследования могут представлять в научном обосновании юридического клинического обучения.

Апробация диссертационной работы. Тема, план, основные положения и выводы представляемой работы неоднократно обсуждались на семинарах аспирантов и молодых ученых, заседаниях кафедры философии, истории и социально-экономических наук Якутской государственной сельскохозяйственной академии, кафедры философии Якутского Государственного Университета им. М.К. Аммосова, кафедры этики философского факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова.

Основные идеи работы были изложены в тезисах выступлений на IV Российском философском конгрессе «Философия и будущее цивилизации» (Москва, 2005); Ломоносовских чтениях «Россия в XXI веке и глобальные проблемы современности» (Москва, 2005); VII Энгельмейеровских чтениях «Интернет – Культура – Этика» (Дубна, 2005); международных конференциях: «Генетические аспекты патологии человека: проблемы сохранения генофонда коренных народов Севера» (Якутск, 2005) и «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации» (Москва, 2006), I-ых российско-украинских философских чтениях молодых ученых (Киев, 2006); республиканской научно-практической конференции «Законодательная (представительная) власть: история и современность», посвященной 100-летию Государственной Думы России (Якутск, 2006) и отражены в соответствующих публикациях автора.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав с тремя разделами каждая, заключения, а также списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы и научная новизна диссертационной работы, сформулирована цель и содержание поставленных на пути к ней задач, изложена суть и историография проблемы, выделены объект и предмет, основные понятия и определения, указаны методы и методика исследования.

В первой главе «Сострадание как общественно-историческое явление» произведена попытка социально-исторической оценки проблемы сострадания, рассмотрения данного явления как общечеловеческого феномена, содержащего в себе глубинные внутренние человеческие переживания и чувства. В главе выявлены принципиальные основы, условия и пространство сострадания как предпосылки морального поведения в рамках общественной нравственности, начиная с природных (биологических) оснований существования общества, с явления называемого помогающим поведением, которые тесно связаны с теориями социальной организации человеческого общества.

Первый параграф «Содержание и сущность сострадания как социального явления» рассматривает феномен сострадания, который трактуется как действие, направленное на благо других, за которое не предусматривалось бы никакого внешнего вознаграждения – как явного («здесь и сейчас»), так и мнимого (например, «потом, на том свете»). Сам термин автор соотносит, прежде всего, к категориям просоциального поведения, охватывающего различного рода положительные формы социальных действий, имеющих своей целью пользу или выгоду других. В него включаются такие явления как дарение, раздел, помощь, подбадривание и т. д.

Еще древним было хорошо известны случаи взаимной помощи и альтруизма в животной среде и они рассматривали их как проявление просоциальных форм или как предпосылки социальности у людей. Однако только в середине XIX века идеи психической эволюции становятся бесспорными в сознании естествоиспытателей и исследователей общества. Представление об эволюции человека как естественно-историческом процессе, глубоко эволюционное по существу, породило новое направление – социологию животных. Но она не смогла до конца объяснить феномен человеческого сострадания, которая лежит в основе всей нравственности, в том числе и общественной. Общая человеческая нравственность есть не только сложившаяся в процессе генезиса и признанная окружающими совокупность норм, правил поведения, выступающая регулятором отношений. Она всегда построена на определенных ограничениях и, вполне понятно, что их мы можем воспринимать как подавление. Но это такого рода подавление, которое налагает на себя сам человек, руководствуясь своей внутренней или внешней потребностью. Только с помощью такого подчинения своего поведения нравственными императивами человеческое сообщество сумело выйти из своего прежнего животного состояния и получило все необходимое для дальнейшего совершенствования своей внутренней духовной природы для постижения истины. Человек в отличие от других биологических видов понимает, что такое долг и ответственность, а они подчиняются нашей морали. Напрашивается необходимость четкого разделения двух, кажущихся синонимами, видов помогающего поведения – альтруизма и сострадания. Рассмотрение альтруизма выраженного

дефиницией – любовь и забота о других; стремление к благополучию для других при отсутствии явной выгоды для себя, склонность безвозмездно жертвовать собой ради группы показывает, что его мы можем зафиксировать практически во всех биосоциальных группах. Но вряд ли тот альтруизм, который мы наблюдаем у животных, исходит из сострадательной деятельности определяемой нами как сознательное восприятие чужой боли, горести, добровольное принятие на себя ответственности за чужое страдание.

Можно сказать, что невозможно сострадание представить без альтруизма, но альтруизм без сострадания вполне возможен. Альтруистическое поведение может исходить и из чувства долга, из требований вероисповедания, из собственного понимания чести, достоинства, справедливости, исполнения служебных обязанностей. В конце концов, из инстинктивного чувства ответственности за сохранение своего рода, материнских чувств и т. д.

Сострадание берет свое начало из общебиологического принципа альтруизма, исходящего из глубокого архаического поведенческого пачала диктующего оказывать помощь ближнему ради самосохранения рода без расчета на внешнее вознаграждение. Однако, оно не сводится к альтруистическому поведению представляя собой более сложную, разноплановую сознательную и разумную человеческую деятельность, которая актуализируется только в социальной жизни, в человеческом сообществе. Именно здесь сострадание приобретает нравственную ценность и цельность. Хотя человеколюбие возникает в далеком архаическом детстве людей, в биологическом начале человечества, его дальнейшее воспроизведение и незыблемость выходят за рамки альтруизма и помогающего поведения. Процесс пунктирно можно обозначить так: помогающее поведение – альтруизм – сострадание. Так что мы можем разглядеть в альтруизме, помогающем поведении, исток, но не сам предмет – феномен человеческого сострадания.

Во втором параграфе *«Место и роль сострадания в социально-нравственной жизни общества»* рассмотрены основополагающие нравственные императивы в их историко-философской ретроспективе. В различных обществах, в разные исторические эпохи моральным, нравственным поступком считался тот, который был бы направлен на сознательное подчинение своих интересов интересам других людей. Вне зависимости от того, исходит он от общественных установлений или из требований высших духовных инстанций.

Автор убежден, что к истории философии нельзя относиться как к простой хронологии событий, так как философия есть вечно движущийся, живой и развивающийся диалог любомудрствующих существ вне времени и пространства. Исходя из этого автор, применяя логико-исторический метод, проводит мысленную историческую переключку сквозь века и тысячелетия, через слой культурно-цивилизационных различий и национальных границ.

Только такого рода диалог – диалог чисто теоретический, философский поможет раскрыть во всем многообразии исследуемый феномен.

В разделе сделана попытка через сопоставление, анализ и разумный синтез рассмотреть те философские течения, в которых идея сострадания, милосердия являлась основой моральности человека и общества. Надо сказать, что само явление сострадания не всегда было средоточием, ключевой проблемой в истории философии и социально-этического содержания учения того или иного мыслителя, философского направления.

Конец XX и начало XXI века раскрыли нравственность как часть философии с неожиданной стороны: в мировом и российском научном сообществе появилось понимание того, что мораль, как форма сознания, является основой всей жизнедеятельности человека и становится сердцевинной всей экологии и коэволюции живых существ. Она – основа духовных потребностей и мотивов и без этого регулятора отношений невозможно никакое движение по пути к прогрессу, процветанию общества.

Бытует мнение, что история поучительна, а мораль – назидательна. Вряд ли можно с этим согласиться. Этика общества есть систематизированное знание об определенной области человеческого бытия и в этом отношении она мало отличается от других наук. Ее специфика заключается только в одном: она становится востребованной (т. е. проводятся целенаправленные исследования нравственности общества, ведется определенная моральная образовательная и педагогическая деятельность и т. д.), только в том обществе, где требовательной необходимостью становятся не просто обучение, навыки, техника, но и совершенствование, духовное воспитание и рост личности.

Сострадание, милосердие и человеколюбие являются универсальными мотивами. Следуя им можно достичь совершенства человеческого существования в этом мире и попытаться жить в мире со своим духом, с другими людьми, не полагаясь на потустороннее вознаграждение. Так что у любви, милосердия и сострадания не может быть и нет дихотомии, противоположности, так как они сами то и есть та «золотая середина», к которой *должно* стремиться. Человек обязан их принять как правду жизни, так как обратное невозможно, ибо тогда вы не можете называть себя индивидом человеческого сообщества, личностью. Выбор же остается за человеком, сохраняющим свою свободу. Под влиянием преходящих обстоятельств, собственных интересов и мотиваций индивид может не найти свой единственный путь, или не найдя его может постоянно отступаться, долго плутать и блуждать. Рассматривая различные жизненные коллизии автор приходит к выводу, что для исследования социальной нравственности более важным является именно эта сторона моральной деятельности – постоянный поиск пути и приобретение нравственного опыта, чем принятие на веру и слепое следование, безоглядная устремленность.

Немецкий философ Ф. Ницше, как впоследствии и Ф.М. Достоевский, со всей своей страстью, всей присущей его философии педантичностью и

дотошностью рассмотрел проблему своеволия. Но если Достоевскому важно было сохранить Бога в человеке и убить человека, возмнившего себя Богом, то немецкий философ связал нравственный закон с абсолютными изменениями в сознании человека, когда сам Бог как бы снимается. Ницшеанский сверхчеловек это великий человек, который чувствует безусловное право на то, чтобы пожертвовать другими людьми. Не ради служения какой бы то ни было эфемерной «идее», но ради «противоположного принципа», «воли к власти». Для Ницше христианские ценности – всего лишь добродетели благоразумия, доброта и праведность исчерпывается лояльностью и конформизмом. Любовь является возможностью перескочив через зависть попытаться поддеть под себя другого, а мнимая «любовь к ближнему» - это самолюбие, эгоизма, желание увидеть в другом себя. А мораль должна устремлять человека в будущее, побуждать его к творческому переустройству несовершенного мира. Вот для чего ему необходимо отказаться от любви к бренному, обыденному и возлюбить то будущее, которое должно наступить, обязательно высшее и совершенное. Вот почему так понятна была ницшеанская установка революционным идеалистам, отбрасывающим любую существующую мораль как признак мешанства и глубоко презирающим любое проявление добродетельного смирения, милосердия, сострадания.

Однако нельзя относиться предубежденно ко всей моральной философии Ницше. Обозначив антитезу «любовь к ближнему» и «любовь к дальнему», немецкий философ поднял очень важную для нас проблему: как при человеколюбии и сострадании избежать потакания порокам и человеческим слабостям? Ведь если какое-либо деяние является, безусловно безнравственным, то и сочувствие, равно как и со-радование и со-наслаждение также приобретают характер поступков аморальных. На наш взгляд, идеал безусловно-самоотверженного избрания нравственной ценности может быть универсально воплощен лишь с осмыслением не только интенсивного принципа личной воли, но и экстенсивного принципа, осуществляющего закон через максимы всех разумных личностей составляющих общество, как членов некоего царства целей. Без такого императивного понимания сути морали в общественном сознании невозможно сохранить целостность и жизнеспособность человеческого сообщества, общий строй жизни и формы общения и взаимодействия людей. Без этого обычаи, нравы, законы, правила и нормы поведения не могут быть направлены на согласование индивидуального поведения с целями и задачами, требованиями и велениями окружающих. Таким является общий принцип общественной нравственности, выведенный философией.

В третьем параграфе главы *«Человеческое сострадание в отечественной философской мысли»* рассмотрению подлежит тот нравственно-духовный потенциал, который заключен в философской мысли России.

Особенно ярко тема сострадания как жертвенной любви проявилось в

творчестве Ф.М. Достоевского, который говорил, что страданиями преисполнена душа человека и сама «земля от коры до центра пропитана кровью и слезами». И для каждого человека подошли бы слова библейского Иеремии: «Я человек испытанный горе». Страданию подвластны все: и совершивший много зла и безвинные чада, и старики, познавшие цену долгой жизни и безусая молодежь. И чем добродетельнее человек, тем обиднее и глубже его переживание. Как говорит Достоевский, «великие люди испытывают великую грусть». Писатель создал потрясающую воображение образы и картины человеческого страдания и сострадания, проникновенного, порой даже болезненного сочувствия и омерзительного, душераздирающего равнодушия.

Рассматривая возможности влияния сострадания на нравственный облик личности философ приходит к выводу, что они проявляются не автоматически; это не чистая эмпатия или условный рефлекс. К тому же сочувствие не обязательно ведет к «очищению», «облагораживанию», ответные чувства не заставляют человека задумываться о характере своих поступков и не являются необходимым условием нравственного совершенствования. Так что смысл страдания, если он вообще есть, состоит в том, что служит истоком смысла существования и бытия человека, его самовыражения и самоутверждения. Вот почему православные богословы, смиряясь с присутствием в этом мире страдания, способны благославлять и сознательно отыскивать его. По словам В. Жуковского, «страдание – святая благодать». И к нему надо стремиться, ибо, по словам А.С. Пушкина: «Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать». Только важно не поддаться им, не впасть под их пресс, так как тогда они будут вызывать чувство страха и проклятия.

Как считает Н.А Бердяев, новая этика должна сделать сострадание наряду со свободой и творчеством одним из краеугольных своих камней. Он подчеркивает, что именно в сострадании наиболее полно раскрывается нравственная сущность человека, так как более выпукло проявляются его возможности жить чужими бедами и радостями, мыслями и чувствами, бороться с различными видами жестокости и зла. А людей способных на деятельное сострадание можно с полной уверенностью называть носителями абсолютного и высшего добра.

В то же время сострадание может выступать и как показатель демократичности общества, которое ярко проявляется в способности государства проявлять человеколюбие к своим гражданам на базе уважения общечеловеческих ценностей. Любое же авторитарное и тоталитарное сознание, деспотия всегда упорно сопротивляются нравственной ценности и силе сострадания.

Вывод отечественных философов таков: переход от сострадания к сострадательной деятельности, к возможности восприятия чужого горя или радости не только отдельным человеком, но и всем обществом. Понимание всеобщего прогресса как процесса, пути и собственно моего становления и развития есть способ концептуального принятия человека как части единого

социума, а общества как целого, состоящего из разнообразного общественного, не отвергающего ничего личностного. Именно внутри этой круговерти: «человек – личность – общество» и проявляются все современные проблемы проявления сострадания как социального феномена.

Во второй главе *«Формирование и развитие сострадания как социально-нравственного качества личности»* автор рассматривает то, как проявляется сострадание в повседневной жизни, каким образом нравственные качества становятся основой и источником социального бытия человека в конкретном обществе, особенно в условиях современного, быстро изменяющегося и глобализирующего мира.

В первом параграфе главы *«Объективные и субъективные факторы становления и развития феномена сострадания как нравственного качества личности»* автор доказывает, что сострадание, являясь феноменом изначально социальным, реализуясь в обществе, приобретает внесубъектный характер, так как его объем включает в себя не только содержание субъекта, индивида, личности. Универсальный характер сострадания проявляется не столько в перечне устойчивых, стабильных черт характера индивида, а сколько в совокупности нравственных императивов, имплицитно присущих интересубъектному пространству. Только при таком рассмотрении феномена сострадания возможно ухватить, уловить мерцающую суть становления сострадательности в обществе.

Сегодня, в эпоху глобализма, кажется, что такие понятия как сострадание, соучастие в чужом горе, человеколюбие утратили свою актуальность и стали анахронизмом. Действительно, все проблемы, с которыми приходится сталкиваться человеку, теперь рассматриваются через призму глобальных изменений в обществе. В социально-философском смысле, все они связаны с процессами социально-культурной, экономической и идеологической трансформации. Происходит постоянное взаимодействие, взаимопроникновение, порой слияние частей целостного мира, которые имеют неоднородные культурные, цивилизационные установки и ценностные ориентиры. На этом фоне происходят деформации, вызывающие опасные локальные, с выходом на общемировую арену, кризисы. К ним можно причислить политические, межэтнические, межконфессиональные столкновения и распри. Психолог, философ Эрих Фромм говорил, что нельзя понять человека без рассмотрения природы его ценностных и моральных конфликтов. Фромм видел прогресс не в том, чтобы отделить сферу якобы «естественного» от сферы якобы «духовного», а в том, «...чтобы вернуться к великой традиции гуманистической этики, рассматривавшей человека в его телесно-духовной целостности, веря, что цель человека – быть самим собой, а условие достижения этой цели – быть человеком для себя»³. XX век с его природными и социальными катаклизмами заставил говорить о «всеобщем характере страдания». Фромм

³ Фромм Э. Человек для себя / Пер. с англ. и послесл. Л.А. Чернышевой. Мн. «Коллегіум», 1992. - С. 15

добавляет: «Не следует забывать, что страдание – это, пожалуй, единственное эмоциональное состояние, которое является общим для всех людей». Состояние, в результате которого человек начинает воспринимать свои страдания как некую данность, точно хронический больной, привыкший к своей болезни. Поэтому в общественном сознании, особенно на низовом уровне социальной иерархии, укоренилось мнение, что «совершенно счастливым» может быть только идиотик.

Такой всеобщий характер страдания принимают не из-за внутренних, заложенных в самом человеке причин. В основном они имеют внешний характер и исходят из сложившихся общественных отношений в определенный период исторического развития. Многое зависит от системы воспитания, образования, религиозной или этнической принадлежности индивида, то есть всего того, что мы называем культурой. Этическое всегда отталкивается на все, что происходит в обществе, выступает в виде вопрошаний к этому обществу. Но это – не мое сообщение к кому-то определено. Это сообщение к самому себе, своему «я»: «почему я так живу?», «как правильно жить?», «в чем смысл моего бытия?». Естественно, не каждый человек может ставить такого рода вопросы и сделать их актуальными для себя. Еще меньше, наверное, людей, кто пытается их решить и найти путь для самосовершенствования. Именно в прошлом веке произошло ужасающее разделение между внутренним человеческим «я» и окружающим миром, которое было определено и зафиксировано общественными науками.

Окружающее часто пугает нас и не беспочвенно. Оно очень часто приносит нам многочисленные страдания. Все формы социального, в т. ч. экономического рабства, насильственные, революционные попытки перестроить жизнь людей, войны, безработица, нищета, голод, рост преступности – все это умножает страдания многих людей, принижает ценность их жизни, дезориентирует их. В мире всестороннего и разнообразного потребительства, подогреваемого рекламой, даже для отдельной личности более значимым становится то, что потребно и приемлемо для масс. В обществе, где культивируются эгоистические цели, вырастают желания и потребности, вернее неукротимое желание *иметь и обладать*. Мерилом собственного «я», эталоном общественного признания становится отнюдь не личные добродетели человека или его достижения в самосовершенствовании, а количество денег накопленных им и гарантирующих ему многие права и свободы. Добродетельность, милосердие и сострадательность личности оцениваются ими в обиходном, профаническом смысле этого слова – суммой произведенной им милостыни. И это подаяние, скорее оказывается не сколько искренним желанием творить благо, сделать доброе дело – иначе оно должно бы оказываться, анонимно – а столько стремлением почувствовать наслаждение от собственной значимости.

Именно из милосердия естественным образом вытекает принцип

толерантности, проявление терпимости к *Иному*: уважение к иным взглядам, ценностям, поведению. Для России, пережившей в своей истории периоды непримиримого противостояния особенно важно воспитание чувства терпимости к инакомыслию и инакодействию. Стремление во что бы то ни стало навязать свою точку зрения, привязать к своим нормам и ценностям и полное неумение понять, принять другого, признать само право их быть другими – все это яркие признаки нетерпимости, который, своими корнями уходит в односторонность мышления, в дикарскую нетерпимость. Только проявление интереса к иному, предоставление им права высказать свое мнение могут быть залогом прогресса и утверждения инноваций в науке, политике, искусстве, человеческих взаимоотношениях. Вот почему известный писатель - постмодернист современности Умберто Эко считает, что с нетерпимостью надо бороться у самых ее основ, неуклонным воспитанием, пока она не превратится в поведенческую непробиваемую и твердую корку. Но вместе с тем, он пишет что: «Терпеть нетерпимое означает ущемлять собственную личность. Если нечто нетерпимо, то надо принять на себя ответственность и определить, в чем же состоит нетерпимость. А затем действовать и быть готовыми дать ответ в случае ошибки»⁴.

В свете последнего высказывания становится ясно, что нетерпимое ни в коем случае нельзя путать с тем состоянием, которое одолевает нами, когда кажущееся нейтральное поведение, приводит нас к нравственному равнодушию и порождает, как правило, подлость и предательство. Людей, безразличных к чужой боли и страданию, жизненным принципом которых становится позиция «моя хата с краю», «это меня не касается», «лишь бы не меня» потворствует всему дурному в человеческом обществе. Поэтому нас утешает и тревожит проявление равнодушия, особенно со стороны властных структур, к проявлениям неофашизма, расовая и национальная нетерпимость, пусть даже рядящегося в тогу борьбы за возрождение, тем более какого-либо превосходства в силу исторической или родовой избранности. Все эти проявления, как в житейских («кухонных»), бытовых, так и в масштабах глобальных, чреват террором и тоталитаризмом, угрожает безопасности других. К этому же относится и пресловутый американский *political correctness*, так как, в конечном счете, насаждение любой инаковости, канонизация этого принципа до степени ритуализированного действия, предпочтение буквы терпимости духу приводит к дискриминации тех, кто уклоняется от обязанности соблюдать правило политкорректности. Можно с особой деликатностью называть народ не малым, а малочисленным, но при этом не предпринимать никаких мер для такого, чтобы представители этого малочисленного этноса действительно почувствовали себя некоей частицей целого человечества, без ответственного поддержания жизни, духа которых большая цивилизация

⁴ Эко У. Пять эссе на темы этики / Пер. с итал. Е.А. Костюкович СПб. «Симпозиум». 2002. -С. 154.

станет беднее, лишится некоторого оттенка своего разноцветья.

Когда в середине уже прошлого века равнодушный миссионер-бунтарь А. Швейцер, отказавшись от перспективной и цивилизованной беззаботной жизни, организовал в африканских землях лечебницу, нарушая извечный «закон бедных», то натолкнулся на серьезные преграды интеркультурного и психологического характера. В том числе и со стороны местных, сознание которых сформировало признание за белыми роли колонизатора, если не эксплуататора, то все равно брата старшего, который должен заботиться о младших. Унижения с их стороны прекратились только после принятия им роли «старшего брата», все-таки гарантировавшего ему родство и должный статус доктора. Это позволило ему вместе с благотворительностью утверждать высокие гуманистические принципы в повседневной жизни туземцев, так как А. Швейцер допускал господство над примитивными и полупримитивными народами. Но не с корыстной и тщеславной целью, а во имя их же благосостояния и здоровья. Основанием такого рода допущения выступало понимание существования иерархии ценностей, в зависимости от модуса субъекта ценностного отношения. Но существование индивидуальных, коллективно-групповых и общечеловеческих ценностей вовсе не говорит о возможности поглощения «нижестоящей» «вышестоящим». Индивидуально-личные, национально-этнические или социально-групповые ценности не растворяются в ценностях общечеловеческих. Локальные («нижестоящие») ценности диалектически взаимосвязаны с общечеловеческими («вышестоящими») и отношения строятся по системе «часть – целое». Но сами общечеловеческие ценности есть критерий всех личностных и групповых ценностей и условие существования и функционирования человеческого общества как общности, единства в целом. Выпячивание локальных ценностей, выставление их суть как над-общечеловеческих ведет к разрушению общности, созданию псевдоценностей.

Только культивирование общечеловеческих ценностей в каждой национальной среде ведет к сближению народов. В общении действительно интеллигентных и культурных людей нет проблемы национальных отношений, так как интеллигентность и культурность предполагают преданность высшим интеллектуальным, нравственным и эстетическим ценностям человечества.

Второй параграф *«Императив сострадания в формировании личности»* посвящен рассмотрению вопросов гуманистического подхода к человеку, позволяющего вывести его из круговорота потребительства, технократического практицизма и современного прагматизма.

В этом параграфе автор приходит к выводу: императивность, легитимность и закономерность сострадания является итогом всей общественно-исторической сущности человеческого сообщества. Сострадание и есть тот общенсторический элемент, который должен культивироваться в социуме. Милосердное отношение к людям, событиям,

имеет внеисторический характер: новое поколение, стоящее на другом, более высоком, по отношению с предыдущими рядами ранее существовавших людей, должно с пониманием относиться к истории своего рода, своей страны, человечества вообще. История выступает, в этом отношении уже как урок, как мораль. В этом проявляется гуманизм истории, ее непреходящий смысл для последующих поколений.

Общественную мораль мы представляем как один из существенных социокультурных механизмов по установлению и поддержанию равенства между людьми, которое может преодолеть неравенства, существующие в нашем мире (материальные, национальные, религиозные и т. д.). Подлинное благодеяние и милосердие предполагают предпочтение себя другому, сознательный отказ от эгоизма. Это и есть истинная сущность сострадания. В нем не должно быть ни капли корысти: подарка, общественного внимания «здесь и сейчас», иллюзорной награды «на том свете, потом». Иное – суть мнимое благодеяние, которое, так или иначе, замешано на использовании, превращении в средство, манипуляции. Как только эта суть становится мотивом деяния, происходит разрушение чисто человеческих взаимоотношений, даже если они не затрагивают чьих-то социальных интересов, целей и задач. Так как в этом случае, другой становится способом достижения совершенно иных, не связанных с деянием блага целей.

Когда мы говорим об императивности сострадания, возникает вопрос, а каковы границы между кажущимися синонимами понятиями сострадание, милосердие и благотворительность? Без их разграничения не очень понятными являются границы феномена сострадания. Всесторонний лингвистический анализ и теоретическое рассмотрение данного понятия подводит нас к выдвиганию следующего определения: сострадание является глубоким общечеловеческим феноменом, имеющим этосный характер, проявляющимся в восприятии личностью как своей чужой боли, страдания, горя. Сострадание является всеобщим и универсальным явлением несовместимым со злом, противоположно равнодушию, жестокосердию, злонамеренности, враждебности и насилию. При этом сострадание, являясь внутренним, находящимся в интимном лоне человеческого «Я» душевным состоянием, не всегда проявляется в обыденной жизни как определенный, видимый и фиксируемый нами поступок, акт человеческой деятельности. Действенное проявление сострадательности мы называем милосердием. В любом случае, милосердие – есть поступок, нравственный поступок, моральное служение, исходящее из сострадания к другому. Не зря, наверное, именно у милосердия имеются свои сестры и братья.

Было бы верным развести взаимосвязанные, но отнюдь не однозначные понятия «сострадание» и «благотворительность». Если первое проявляется как нравственное чувство, как некое внутреннее состояние души, то второе характеризуется действиями, имеющими материальное соотношение и оценку. И если милосердие основывается на сострадательности, то благотворительность, в связи с обязательным материальным

сопровождением, может исходить и из других мотивов и мотиваций, не всегда определяемых как милосердие. И только мотивационная составляющая благотворительной деятельности может стать основой выявления добродетельности такого рода поступков.

В третьем параграфе *«Сострадание в контексте социально-нравственных параметров гражданского общества»* поднимается вопрос о возможности полного проявления истинной сострадательности в рамках гражданского общества в правовом государстве.

Понятие гражданско-правового государства, на наш взгляд, напрямую связано с осуществлением в конкретно взятом обществе принципа справедливости. Понятие справедливости нельзя рассматривать в отрыве от понятия сострадания, их разобщение и противопоставление всегда приводят к логическим противоречиям в рассмотрении духовной жизни общества. В отличие от западноевропейской традиции понимания справедливости и сострадания отечественные мыслители создали предпосылки для новой их трактовки. Две эти добродетели суть различные стороны или способы одного и того же человеческого побуждения, сформулированного как «золотое правило нравственности». Отрицательную формулу правила: «не делай другому того, чего себе не желаешь», можно назвать требованием справедливости, а положительная - «делай другому то, чего хотел бы от других» - включает в себе правило милосердия и сострадания и выдвигает социально-нравственное требование.

Роль государства в воспитании и в формировании сострадательности нельзя переоценить, однако весь комплекс проблем с этим связанных, не является темой нашего исследования. Ясно одно: это очень долгий и многоплановый процесс, которое проходит через всю сознательную жизнь человека. Невозможно сказать, когда и каким образом у человека складываются первые милосердные чувства и отношения. По всей видимости, это происходит еще в раннем детстве. Но учеными в области криминальной психологии подмечена одна особенность нервной системы человека: если нервная система индивида недоразвита, в силу различных наследственных и приобретенных условий, то человек порой не в состоянии на генетическом уровне ощущать боль другого человека, проявлять со своей стороны в отношении других людей милосердие, доброту, сострадание, справедливость. Притом это подтверждается определенными научными методами и имеет объективные параметры. Нравственная глухота наиболее развита в различных общественных сферах насилия и подавления, порой противоположных друг другу, – криминалитет, армия, бизнес, бюрократия, милиция, спорт, спецслужбы и т.д. Так что если зарождение милосердия остается тайной, то появление ее противоположности – ненависти более или менее ясно. Нелюбовь, вражда, ненависть всегда имеют под собой вполне определенные и выявляемые повод и причины, основанные на непонимании другого, нежелании воспринять чужие проблемы и тяготы. Так что рассматриваемое нравственное бессилие всегда есть приобретенное после

или вовремя не привитое чувство. Человек становится несострадательным, немилосердным, бесчеловечным.

Пожалуй, самым проблематичным для нас остается вопрос о соотношении сострадания и справедливости. Действительно, каковым может быть наше сострадательное отношение к людям, совершившим антиобщественное, негуманное, возможно, даже античеловечное деяние, преступление? В этой связи очень важным является мысль, высказанная русским философом И. Ильиным, и, которое близко нашим представлениям и заключениям: в основе справедливости лежит живая совесть и живая любовь к человеку. Нельзя рассматривать справедливый и нравственный поступок как данность «раз навсегда», «для всей людей», «повсюду», так как она – «живой поток индивидуальных отступлений». Данный раз и на все времена образец поступков справедливых, нравственных, праведных, в конце концов, всегда превращается в химеру, иллюзию, утопию. В реальности единственно важным оказывается не раз и навсегда найденная формула любви, счастья, а живое, пронизанное уважением и состраданием сердце, искренне добивающееся справедливости. Единство понятий справедливости и сострадания вовсе не отменяет внутренней борьбы между ними как человеческими ценностями духовного порядка, а наоборот, предопределяет их поиск продуктивного совмещения и творческого единения в социальной действительности с учетом всей сложности, индивидуальности и многообразия судеб людей. Человек, по мнению Ильина, должен научиться «видеть», «чувствовать» права людей и добиваться их осуществления в этой жизни. Эту способность души он обозначил как первоначальное естественное правосознание. Форма реализации сострадательного отношения к другому человеку у И. Ильина, отличается от толстовского «непротивления злу насилием». Толстовство выглядит следующим образом: морализующего индивида интересует сам человек как любящий субъект, а не объект его любви и сострадания. Крайне важно, чтобы «я страдал», чтобы «я умиленно жалел». Это важнее, ценнее и психологически актуальнее, чем состояние того человека, к которому я имею сострадательное отношение. При внимательном анализе получается, что он жертвует не ради спасения любимого, а ради собственной праведности. По Толстому задача человека состоит в том, чтобы не мстить, а любить своих обидчиков ради самого принципа любви. На наш взгляд подлинной формой любви к ближнему должна быть любовь к его духу и его духовности, а не просто жалость к его страдающей телесности.

Для действенной сострадательной деятельности в обществе необходимо следить за соблюдением справедливости и культивировать чувство сострадания. Особенно, если это касается взаимоотношений государства и человека: индивид не должен чувствовать себя винтиком огромной государственной машины, ощущать себя лишь осуществлением некоей «совокупности социальных отношений». Гражданин не должен принимать свое положение как стечение обстоятельств, некоторых неминуемых

условий и предопределенностей. Важно, чтобы формальная справедливость, заключенная в букву закона соединялась с живым личностным состраданием. Только в этом случае сострадание к людям в гармоничном союзе со справедливостью образуют гражданское общество.

В заключении диссертационного исследования подводятся основные итоги исследования, формируются основные его выводы, которые можно изложить следующим образом:

- сострадание, являясь глубоким внутренним человеческим чувством, возникло в далекой психологической архаике как общебиологический инстинкт самосохранения, удовлетворения групповых эгоистических устремлений и желаний;
- впоследствии по мере усложнения человеческого общества, сострадание вышло за рамки индивидуального чувства и уже мировоззрениях Древнего мира осмыслялось как универсальное, воистину социальное проявление человеческого в человеческом;
- таким образом, как нравственный феномен, сострадание не удерживается только в индивидуальных помыслах и поступках, а в социально-философском контексте выступает как общечеловеческий принцип построения общественных отношений;
- подлинная сострадательность, деятельное милосердие и человеколюбие приобретают социально-философскую характеристику своего проявления и функционирования и становятся объектом всестороннего философского анализа.

Возникновение и функционирование любого общего морального требования может быть рассмотрено лишь в ретроспективе, по происшествии определенного отрезка времени, т.е. в «прошлом», в процессе последующего теоретического анализа разносторонних общественных связей и отношений. Только в этом случае возможна оценка практической значимости той или иной нравственной нормы, того или иного социального или морального требования. Однако, в конкретно-историческом плане, во время развертывания «настоящего», мы не можем сказать, насколько верна будет та или иная жизненная позиция, тот или иной вид нравственности в «будущем». С опытом, в бесконечном повторении становится видимым необходимость и осознается обязательность предписания. Вот почему иные моральные нормы, законы имеют здесь и сегодня характер действий явно не рациональных, не отвечающих требованиям целесообразности и полезности. Такова суть реализации морали в социуме – ее функции необходимы и полезны обществу, но распознаются только на более высоком уровне социально – исторического обобщения и теоретической абстракции. Сострадание как аксиологический императив осознавался и признается общечеловеческой ценностью, которую трудно вычленишь и зафиксировать в социальной жизни, но без утверждения и развития которой невозможно представить дальнейший прогресс человеческого общества.

Основные идеи и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

1. Старостин, В.П. Сострадание как социально-нравственный феномен [Текст] / В.П. Старостин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена : Аспирантские тетради: Научный журнал. – СПб. : Книжный Дом, 2007. – № 19 (45). – С. 260-264.
2. Старостин, В.П. Социальное содержание сострадания / В.П. Старостин // Культура & общество [Электрон. ресурс]: Интернет - журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств – Электрон. журн. – М. : МГУКИ, 2007. – № гос. регистрации 0420600016. –Режим доступа: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Starostin.pdf>, свободный — Загл. с экрана. – Поступило 18.03.2007.
3. Старостин, В.П. Проблема сострадания в этической мысли [Текст] / В.П. Старостин // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.): в 5 т. – М. : Современные тетради, 2005. – Т 2. – С. 487-488.
4. Старостин, В.П. Нравственный выбор – отказ от самовольного ухода из жизни [Текст] / В.П. Старостин // Якутский медицинский журнал. Приложение №1: Генетические аспекты патологии человека. Проблемы сохранения генофонда коренных народов Севера. – 2005. – № 1 (9). – С. 115-116.
5. Старостин, В.П. Социально-нравственные особенности развития Интернета в России [Текст] / В.П. Старостин // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации. Материалы Первой Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Москва, МИРЭА, 6-8 апреля 2006 г. Под ред. Д.И. Дубровского и Е.А. Никитиной. – М. : ИИнтелЛ, 2006. – С. 203-205.
6. Старостин, В.П. Россия в XXI веке: осмысление сострадания [Текст] / В.П. Старостин // Ломоносовские чтения 2005: Россия в XXI веке и глобальные проблемы современности. Материалы научной конференции. – М. : ТЕИС, 2006. – С. 60-62.
7. Старостин, В.П. Некоторые социально-нравственные аспекты развития Интернета в России [Текст] / В.П. Старостин // Интернет – Культура – Этика: Материалы VIII Энгельмейеровских чтений. Москва – Дубна, 2006 г. / Под общ. ред. Н.Г. Багдасарьян, В.Л. Силаевой. – М. : Центр информационных технологий в природопользовании, 2006. – С. 214-216.
8. Старостин, В.П. Гражданское общество в социальном измерении сострадания [Текст] / В.П. Старостин // Законодательная (представительная) власть: история и современность: Материалы респ. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Гос. Думы России (г. Якутск, 20 апр. 2006 г.) ; редколл.: Д.Н. Миронов [и др.]. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2006. – С. 239-248.
9. Старостин, В.П. Альберт Швейцер и философия благоговения пред жизнью [Текст] / В.П. Старостин // Агропромышленный комплекс Республики Саха

(Якутия) в период до 2015 года: главные рычаги развития. – М.: ФГОУ ВПО РГАУ–МСХА им. К.А. Тимирязева, 2006. – С. 271-273.

10. Старостин, В.П. Сострадание как феномен моральной регуляции отношений в обществе [Текст] / В.П. Старостин // Гуманитарные студии. Сборник научных докладов. – Киев: Киевский университет, 2007. – Вып. 1. – С. 150-154.

Подписано в печать 16.04.2008. Формат 60х 84/16. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Печ. л. 1,43. Уч.-изд. л. 1,79. Тираж 100 экз. Заказ 106.

Издательство ЯГУ, 677891, г. Якутск, ул. Белинского, 58.

Отпечатано в типографии издательства ЯГУ